

зумела або зразумела інтуітыўна, і мы жадаем пацвердзіць уласнае меркаванне. Ствараючы сістэму пытанняў, адказ на якія павінен даць твор, крытык абавязаны памятаць і пра іх выключную індывідуальнасць у дачыненні да кожнага чытача. Неабходна скласці абагульнена-ўніверсальную схему такіх пытанняў, бо, як вядома, існуюць розныя «тыпы чытачоў, частцы якіх па іх псіхалагічным складзе даступны хутчэй асобныя пазаэстэтычныя каштоўнасці, чым эстэтычныя, адпаведным чынам імі ўспрымаецца і паэтычны твор» [2, с. 283].

Літаратура

1. Боров, Ю.Б. Социология, теория и методология литературной критики / Ю.Б. Боров, М.П. Стафецкая // Актуальные проблемы методологии литературной критики. – М., 1980. – С. 110–137.
2. Мукаржовский, Я. Структуральная поэтика / Я. Мукаржовский. – М., 1996. – 480 с.

Владимир Кащев

Белорусский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

Биографический жанр находится ближе к журналистике, нежели к литературе, поскольку автору необходимо соблюдать определенные принципы: достоверность, точность, непредвзятость. В данной работе мы попытаемся определить типологию биографического жанра и его перспективы.

1. *Академическая биография-жизнеописание* построена на архивных материалах, документах и свидетельствах современников. Л. Сараскина, автор монументальных биографий «Александр Солженицын» и «Федор Достоевский», поделилась в одном из интервью: «Биографическая книга обретает реальные контуры, когда «охота» приносит плоды, накапливается достаточно материала – так что можно садиться и писать» [3, с. 11]; она также выделяет научно-исследовательский подход относительно любого источника, дотошность в изучении любой детали, необходимость развернутого аппарата ссылок и

комментариев, разграничивает подходы в биографии о современнике и классике. В целом ее биографии можно назвать не просто академическими, а даже апологетическими – сейчас уже мало кто пишет именно так.

Между тем академизм в наше время понятие относительное. А. Варламов, еще один биограф-архивист, позволяет себе в названии некоторых глав биографии «Алексей Толстой» интертекстуальные отсылки («Хождение за три моря», «Петр и Алексей», «Патент на тараканы бега, или Как Янычар обошел Абдулку», «Город женщин»), а биографию «Михаил Булгаков» композиционно выстраивает так, что каждый из разделов соответствует имени одной из жен писателя: «Татьяна», «Любовь», «Елена». Отметим, что даже традиционные серии несколько видоизменяют свой формат. Так, еще недавно сложно было представить себе в серии «ЖЗЛ» появление «Юрия Гагарина» Л. Данилкина или «Бориса Пастернака» Дм. Быкова.

2. **Биографический роман-хроника**, который также неукоснительно соответствует принципу «достоверности», был утвержден В. Вересаевым и рассчитан на массового читателя. Здесь за основу берется либо хронологический принцип (Е. Гусляр «Лермонтов в жизни: Систематизированный свод подлинных свидетельств современников»), либо определенный авторский замысел (И. Сухих «Чехов в жизни»).

В современных условиях данный поджанр чаще соответствует определению биографический коллаж (один из наиболее удачных примеров – проект П. Фокина «Писатели без глянца»), в котором допускается не всегда проверенная информация, даже слухи, предположения, «пикантные» подробности, что создает вокруг биографии атмосферу грамотно выстроенного скандала (Т. Катаева «Анти-Ахматова», «Другой Пастернак»). Последний пример позволяет говорить об определенной мутации жанра, когда внешне целостная биография, кроме объема, мало чем отличается от разовой публикации в «глянцевых» СМИ. В книге Б. Кудрявова с претенциозным названием «Страсти по Высоцкому» все разделы названы не менее эпатажно: «Запретная любовь», «Други-недруги», «Побоище в Интернете». Многоликий Дм. Быков определяет такой тип биографии как «разо-

бличительную», что всецело соответствует запросам массового читателя, противопоставляя ей биографию «полемическую»: «Когда у автора нет другого способа напомнить о величии героя, кроме как от противного, когда герой до неузнаваемости засахарен и до тошноты засироплен – счищать паутину приходится весьма жесткой щеткой, но это, в конце концов, на благо персонажу» [1, с. 23].

3. **Интеллектуальный роман-эссе**, где вкрапление биографических сведений является составляющей авторского замысла: соотнесение географического места и постижение его «метафизики» в проецировании на конкретную историческую или литературную личность (П. Вайль «Гений места», М. Шишкин «Русская Швейцария»); философские размышления автора в рамках культурологического, историко-литературного, поэтического и т. п. контекстов (А. Гольдштейн «Аспекты духовного брака», «Памяти пафоса», Г. Шульпяков «Персона grappa»).

4. **Политическая биография**. Политическая биография, как правило, следует определенному шаблону, который принято называть «американской моделью», однако хорошо известному нам по советской эпохе (достаточно вспомнить биографии пионеров-героев). В такой биографии необходимо следовать стереотипу, а последовательно реализуемая универсальная схема не позволяет увидеть «живого» человека. Другой стороной схематизма является рассмотрение исторической личности в свете современных pr-технологий, описание исторической личности как «глобального бренда», перешагнувшего временные и географические рамки, что наглядно продемонстрировал С. Нечаев в книге «АнтиНаполеон». По мнению автора, Наполеон интуитивно и очень грамотно использовал основные приемы и принципы пиара и маркетинга. Таким образом, известная, узнаваемая всеми историческая личность в наше время может восприниматься полностью или частично как бренд (Л. Данилин «Юрий Гагарин»).

5. **Маргинальные жанры**. Сюда следует отнести поджанры, которые встречаются не так часто – биография-**расследование** (Б. Камов «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров»), биография-**житие** (А. Скаландис «Братья Стру-

гацкие»), жанр *альтернативной биографии*, когда автор под вымышленным именем написал биографию самого себя, сочетая элементы мифотворчества, альтернативной истории, интеллектуальной игры с читателем и одновременно пародию на серьезный жанр, начиная со стилизации обложки и под «ЖЗЛ», и под «Библиотеку приключений» (Лев Гурский «Роман Арбитман»). Отметим также, что в 2000-е годы популярность получили литературные проекты, где создавался миф о вымышленном авторе, придумывались черты его «реальной» биографии (Хольм Ван Зайчик).

Отметим, что различного рода биографическая литература самым деятельным образом участвует в формировании «мифа об авторе», далеком от канона, который начинают создавать его современники, т. е. люди, знавшие его лично. Собственно, они и становятся своего рода первыми биографами. Примечательно, на наш взгляд, что биографический миф о таких культовых авторах, как Сергей Довлатов и Иосиф Бродский, имеют определенные жанровые пересечения. Об *И. Бродском*: Вл. Соловьев «PostMortem. Запретная книга о Бродском» (постмодернистский роман-биография), «Диалоги с Бродским» (С. Волков), Лев Лосев «Иосиф Бродский» (в серии «ЖЗЛ», но далекая от академического изложения), П. Вайль (глава в «Гений места»), Л. Штерн (книга воспоминаний «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph»). О *С. Довлатове*: А. Ковалева, Л. Лурье «Довлатов» (биографическая хроника, основой которой стали интервью для документального цикла о Довлатове), И. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба» (серьезное литературоведческое исследование о роли Довлатова в социокультурном контексте своего времени), М. Веллер «Ножик Сережи Довлатова», Л. Штерн «Довлатов – добрый мой приятель» (книга воспоминаний), Ася Пекуровская «Когда случилось петь С.Д. и мне» (книга полемических воспоминаний о муже), А. Генис «Довлатов и окрестности».

Особо подчеркнем, что А. Генис эксклюзивность своего произведения «Довлатов и окрестности» определяет как жанр «филологического романа». По его мнению, это – «изящная, но не беллетристическая словесность: эссе, дневники, письма, гуманитарная проза, включая всевозможные “романы без вранья”,

которые мне больше нравится называть “филологическими романами» [2, с. 279]; он также не приемлет биографический роман в традиционном виде, называя последний гибридом художественной литературы *spoon-fiction* [Там же, с. 281]. Или: “филологический роман” видит в книге не образы, созданные писателем, а след, оставленный им. <...> Это позволяет его считать разновидностью документального жанра – фотографии души» [Там же, с. 286–287].

Примечательно, что в «Комсомольской правде» вышел к до-влатовскому юбилею материал Дарьи Варламовой «Граненый стакан Довлатова как мерило русской литературы» (03.09.2011). Это своеобразное путешествие по «Заповеднику», посещение реальных мест, беседы с очевидцами. Приятно удивляют знание корреспонденткой литературного материала и даже попытки подражать авторскому стилю. Из литературного мифа (блестящий журналист, писатель-диссидент, брутальный гуляка, человек огромного роста) массовое сознание переиначивает именно те черты, которые соответствуют национальному стереотипу и позволяют считать писателя «народным героем». В данном материале С. Довлатов удивительным образом повторяет судьбу А. Пушкина, который из человека и «живого» классика превратился в масскультовый бренд. Для экскурсий «по довлатовским местам» гораздо важнее не литературное творчество, а бытовые подробности: где новый классик жил, из чего пил и т. п.

Мы видим, что биографический жанр претерпел серьезные изменения за последние 10–15 лет и продолжает создавать новые поджанры, трансформируясь в условиях современной литературы и вырабатывая новые принципы авторского письма.

Литература

1. Быков, Дм. На судне / Дм. Быков // Что читать. – 2009. – № 9. – С. 22–24.
2. Генес, А. Каботажное плавание: вместо послесловия / А. Генес // Довлатов и окрестности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 274–287.
3. Сараскина, Л. В общении с гениями / Л. Сараскина // Читаем сами. – 2011. – № 10. – С. 10–11.